

А.Ю. Согомонов

УДК 174

Цифровая этика для цифрового образования в цифровом мире

*Проходит жизнь: мы врозь с тобой
живем. Нам никогда не суждено
свиданье.*

Льюис Кэрролл.

Алиса в Зазеркалье (1865)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы ускоренной и массовой цифровизации образования, прежде всего высшего, за последние несколько лет и, особенно, в условиях текущего глобального карантина. Цифровизация создает параллельную образовательную реальность, в которой традиционные проблемы прикладной этики образования аннигилируются. На смену им приходят новые моральные дилеммы, пока не получившие должного рассмотрения в академическом сообществе. В англоязычной литературе термин «digital ethics» прижился, хотя используется весьма вольно, но в отечественной литературе словосочетание «цифровая этика» – все еще только научная метафора. Главный вызов содержится в активном развитии инструмента искусственного интеллекта, который явно обгоняет человека по его когнитивным способностям и объемам памяти. Однако «вручение» ему функций распространения и контроля в процессе обмена знаниями создает поле новых моральных коллизий. Возможности искусственного интеллекта не ограничены, но пока не удастся передать ему навык моральной рефлексии, что делает прикладную этику цифрового образования ущербной. Автор предлагает свое видение будущего нарратива этики высшего образования в цифровых контекстах.

Ключевые слова: цифровой мир, цифровое высшее образование, искусственный интеллект, этико-прикладная рефлексия, цифровая этика.

Цифровой мир все еще мыслится нами как некое «зазеркалье», как отраженная и поэтому все же *не совсем реальность*, а подчас даже и – *совсем не реальность*. Есть в нем громадные информационные архивы, к которым человек обращается по привычке как в библиотеку. И эти бесконечные информационные поля, как правило, не создают каких-либо принципиально новых моральных коллизий, там все еще правит бал профессиональная этика, преимущественно – медиаэтика.

Однако все большее значение в цифровом мире приобретают новые пространства инновационного социокультурного взаимодействия, где на обновленных социально-нравственных началах реализуется наше практическое Я. Назовем их кратко: *реальность 2.0*. Она постигается моральным субъектом именно как *альтернативная* и ставит перед нами задачу беспрецедентного расширения границ практического Я и его этического осмысления. Реальность 2.0, проще – новый «цифровой мир», пока воспринимается нами как *инобытие*, как нечто не совсем привычное, хоть мы с удивительной скоростью к нему привыкаем. И поэтому неохотно применяем к нему свой традиционный этический инструментарий. Но бесконечно долго это не может продолжаться.

Кант и Фихте на исходе XVIII века Просвещения расширили границы практической философии и в известном смысле противопоставили ее теоретическому разуму. Возможно, благодаря немецкой классической философии практический разум приобрел в современном мире *черты умопостижаемого объекта*. С этого времени природа понимается как бессознательно творимый дух, который свое объяснение и цель обретает только в нравственном мире человека.

Теперь понятно, почему оба философа полагали принципы практического разума универсальными, и почему практическое Я они считали *единственно подлинной реальностью*. Свободно и целенаправленно преодолевая природные начала в самом себе и вовне, практическое Я обретает качества познающего и действующего, чувственного и эгоистического субъекта. Пожалуй, в этом философском понимании *моральной свободы* наш мир пребывает и по сей день. Но столкнувшись с реальностью 2.0, мы вынуждены вновь обратиться к своим этико-философским основам.

Стали бы немецкие философы позднего Просвещения мыслить по-другому, если бы им довелось жить в наше цифровое время? Трудно сказать. Но очевидно, что никакой альтернативной реальности 2.0 они бы не приняли. Поскольку в обычном мире, как и в виртуальном, для них остается лишь *одна истинная реальность* практического Я – реальность свободно познающего морального субъекта. И все же, мне думается, что сама возможность преодоления, с одной стороны, нашего привычного, а с другой, – мира, кажущегося параллельным, подталкивала бы классическую философскую мысль к поиску принципиально обновленного умопостижения.

Рациональность искусственного интеллекта

Это, конечно, большая проблема. «Прорывной» фактор новой цифровой жизни – безусловно, искусственный интеллект («ИИ»). По-

казательно то, что мы перестали это словосочетание брать в кавычки, очевидно, привыкнув к тому, что имеем дело с вполне объективно присутствующим в мире нашего практического Я нового «vis-a-vis», сконструированного человеческим разумом для взаимодействия с самим собой. Формально «ИИ» это – робот, а никакая не метафора. И его интеллектуальные способности сродни человеческим, а объемы памяти и скорость расчетов неизмеримо выше. Впрочем, он обладает многими умственными качествами и творческими способностями людей (например, сочинять музыку). Кроме одного: «ИИ» – не рефлексующий разум. Но, возможно, только пока. Хотя трудно себе вообразить, как это можно сделать чисто технологически, чтобы «ИИ» вдобавок умел бы постигать самого себя. Корректировать свои действия – да, он может! Но все же не способен к этико-критическому познанию. Цели, намерения и образы задает ему человек. В этом смысле, «ИИ» *не есть* моральный субъект.

Но если мы имеем дело с не рефлексующим «разумом» (в данном случае надо поставить кавычки), то, следовательно, взаимодействуем просто с умной машиной, отнюдь не равноположенной человеку, с присущими только ему нравственным сознанием и духом. Искусственный интеллект призван также анализировать и принимать решения (то есть делать выбор) за человека, облегчая многие его практические задачи и рутинные занятия. Делать выбор за человека? Но разве такой выбор может быть чисто техническим, то есть разве можно в нем чистую прагматику действия отлучить от моральной рефлексии? Мне думается – нет.

Не случайно, поэтому, многие адепты теории «новой» цифровой цивилизации рассуждают об искусственном интеллекте, как о носителе «*этики правды*». И поскольку «правду» можно прочувствовать, логически сформулировать и просчитать, то ее оцифровка не составляет особого труда для продвинутых IT-шников. В двоичной цифровой системе «ИИ» моделируется как полная реплика рационального разума человека, который при этом – не лукавит, не лжёт, придерживается строгих принципов, ежесекундно проводит простую калькуляцию факторов внутреннего и внешнего порядков, честно выдает свое взвешенное «решение». Иными словами, искусственный интеллект может быть сконструирован как машина, следующая нормам и принципам именно строгой *ригористической морали*. Все в ней должно стать этически корректно калькулируемым. То есть амбициозная задача создания технологического носителя универсальных смыслов оказывается вполне выполнимой. И разум ее становится хорошо отлаженным механизмом «правды» внутри самого «ИИ».

Поразительно, насколько все это напоминает жесткую фихтеанскую этику нравственного максимализма. По Фихте, моральная правда – *бесчеловечна*. Она не может быть единичной и, возможно, поэтому никогда не сумеет господствовать над человеком. То есть у «ИИ» – по определению – нет, а значит и не может быть важного свойства гуманистической природы человека – нравственной гибкости и пластичности. Поэтому он не способен на моральные компромиссы. И все это означает, что «ИИ» – всего лишь простой калькулятор, копирующий и упрощающий способность человека рационально взвешивать «за и против». «Моральный калькулятор»? Отчасти, да.

Главное: его нельзя запрограммировать на сложный моральный выбор, который в традициях все той же классической философии всегда будет выбором в пользу самой морали. Такой выбор нельзя осуществить с помощью даже самого искусственного калькулятора, многократно усовершенствованного человеком. У машины нет духа, его нельзя вдохнуть в нее, подобно тому, как творец вдохнул дух в глиняного первочеловека. Следовательно, «ИИ» – «моральный» калькулятор для примитивных этических операций, где решение и так очевидно, поскольку предполагает простые результаты: очевидную пользу, простую выгоду и явного победителя.

Романтические философы рубежа XVIII-XIX веков критиковали бескомпромиссную этику Фихте, утверждая прямо противоположное. Они говорили о принципиальной возможности *моральной правды как единичного феномена*, что, конечно же, никак не согласовывалось с рационализмом просветительской философии. Но как бы в обмен этой «утрате» именно романтики даровали человечеству иное понимание свободы вообще и моральной свободы, в частности. Природа у них из объекта целенаправленного покорения превратилась в предмет поклонения, почитания, обожания.

Нечто подобное происходит сегодня и с искусственным интеллектом. Все реже мы видим в нем только «наивную» машину, обслуживающую интересы человека. Все больше замечаем публичную IT-апологетику. Несмотря на критику, с «ИИ» связаны сегодня, пожалуй, самые сокровенные надежды на оптимистический прогресс человечества. Мы, действительно, все больше рассчитываем на то, что рано или поздно изобретем равного себе цифрового субъекта со свойственным только ему единичным моральным выбором в духе романтической философии. А это значит, что «ИИ» может обманывать, ибо его ложь станет его единичной «моральной правдой».

Человечество, наверное, уже психологически готово согласиться на признание нормальной ситуацию, когда один «ИИ» обводит вокруг пальца другой; по сути, это есть искомый и эффективный «бот».

Но врать человеку – значит получить право на господство над ним и его умом, принимать за него судьбоносные решения, которые потенциально могут нанести ему непоправимый вред. Казалось бы, нормы и ценности гуманистической этики не позволят нам принять такой технический прогресс. Но, похоже, все идет к этому.

Мы живем в реальности 2.0, которую неслучайно именуют средой общей «*постправды*», а все эти цифровые «навороты» и созданы, прежде всего, «ИИ» и бесконечным множеством ботов, пусть даже отчасти управляемых в интересах конкретных людей или групп. Постправда – *антигуманна*, но теоретически возможна, а, значит, – вполне реальна. Хотя ее умопостижение, наверное, отвергла бы классическая философия.

Цифровая этика в «цифровом мире»

Цифровизация охватывает сегодня почти все стороны жизни. И ее проникновение вширь и вглубь современного общества усиливается буквально на глазах. Уже самого факта учреждения министерства по делам цифровизации совершенно достаточно, чтобы понять: назад в нормальность доцифровой эпохи все пути отрезаны! Пандемия же сделала из этого робкого предположения для судьбы XXI века громкое и неопровержимое утверждение: мир не будет прежним.

В самом деле, если меняются условия и обстоятельства жизни, то, следовательно, меняются ценности и нравственные нормы. Это банальная связка подходит ко всем переходным периодам в истории человечества. Видимо, исходя из этого тезиса концепция «новой этики» набирает так много поклонников, впрочем, это – не сюжет настоящего очерка. Сегодня переплетение технологических, социальных и культурно-нравственных перемен не столь однозначно. И не только с точки зрения того, что диалектически первично, но и в смысле наивного вопрошания: так все-таки Что порождает Что? Немного поразмышляем и на эту неоднозначную тему.

Генезис особенной цифровой сферы нуждается в этическом регулировании? Без сомнений. Но достаточно ли для этих целей этико-прикладного регулирования? Или нам следует задуматься об инновативной этической парадигме – цифровой этике? А что она в таком случае будет собой представлять? Каковы ее реляции с классическими этическими парадигмами, к примеру, с утилитаризмом, конвенционализмом, рациональной деонтологией, прагматизмом и т.д.?

На все эти вопросы можно ответить кратко: *цифровая этика – это отдельный и довольно автономный нравственно-этический космос*. Что дает нам право так думать? Не претендуя на разверну-

тый ответ, обозначу лишь философско-социологические основания такой позиции.

1. Цифровизация создает ежедневное взаимодействие и коммуникацию между людьми бесконтактным образом, выступая своего рода воображаемым посредником, микширующим интерактивные смыслы и конвертируя привычные значения в теперь уже понятную всем двоичную систему реальности 2.0. Нужен ли для мира, в сердцевине которого только голые цифры, и неважно при этом, что происходит на его поверхностном дисплее, свой этический дискурс? Однозначно, да. Более того, коммуникативная этика реальности 2.0 не тождественна ни медиа-этике, ни другим изъятым из «старой» жизни профессионально-этическим конструкциям.

2. Цифровой мир становится настолько сложным и сегментированным, что впору говорить о рождении целых секторальных направлений коммуникативной этики. Но нужно ли объединять их в некую – прикладную – универсально цифровую этику? Скорее, да, чем нет. Поскольку в реальности 2.0 копируются почти все повседневные практики взаимодействия. Понятно, что и моральные коллизии будут представлены там самым широким спектром. А это значит, что объединены они должны быть в некое родовое единство под «зонтиком» новой прикладной этики. Пока она не сконструирована и, тем более, не обрела общепризнанной номинации. В англоязычной литературе, правда, встречается понятие “digital ethics”¹, но оно строго не определено и еще не окончательно каталогизировано в семье прикладных этик. Но тренд – очевиден.

3. Этика цифровой реальности 2.0 явно вступает в противоречие с ценностями и нормами гражданского общества. В основании цифровой этики положен принцип *партикулярной нравственной субсидиарности и атомарной единичности морального субъекта*. В абсолютном большинстве кейсов человек там отвечает только за себя, выступает от своего лица и, если включается в социальные сети, то, как правило, они мало влияют на его ценности и нормы, хотя часто он испытывает дискомфортное давление со стороны цифровых «местоблюстителей» или непосредственных владельцев сетей. Этика гражданского общества прежде всего исповедует идеалы сотрудничества и творческого взаимодействия, взаимных обязательств

---

¹ Цифровую этику активно продвигает международная исследовательская группа «Digital Ethics Lab», а издательство «Springer» публикует их ежегодные аналитические коллективные отчеты. Для более глубокого понимания актуальной проблематизации цифровой этики рекомендую обратиться к [1, 2, 3.].

и низового группового подвижничества. Она ориентирует индивиды на компромиссы и распределяет между ними, в том числе и моральную ответственность. Конфликт этот пока неявный, но вполне может вылиться в нечто более серьезное для внутреннего нравственного равновесия современного человека. Достаточно ли одного ресурса прикладной этики для предотвращения перспективного конфликта? На этот вопрос ответить пока сложно. Но, поскольку признаки морального «раздвоения личности» налицо, то прежде необходимо понять, на чьей дисциплинарной территории будут разрешаться подобные конфликты – клинико-психологической, философско-этической или логотерапевтической. Ясности здесь нет никакой.

4. Цифровизация наносит сокрушительный удар по нормам частной и общественной жизни, приводя их в еще большее столкновение. Цифровая прозрачность меняет мир до неузнаваемости. Приватность как норма социальной жизни уходит в прошлое. Сегодня в режиме регулярного пересмотра ценностей трансформируются и наши представления о безопасности, свободе, открытости и праве человека на личную цифровую «тайну». Частное и публичное в морали заняты «перетягиванием каната». И тем самым наполняют классические моральные дилеммы все новым и новым содержанием. Но преодолеваются ли они в результате этого эффективнее или, наоборот, обретают характер аристотелевских апорий, то есть становятся еще более трудно разрешаемыми дилеммами? Мне кажется, об этом можно будет говорить всерьез только в будущем, когда цивилизационный цифровой транзит станет «фактом истории». Сегодня мы можем лишь пристально следить за этим процессом как включенные наблюдатели, не делая поспешных выводов. Хотя складывается впечатление, что тотальная цифровизация все же создаст такой мир беспрецедентной транспарентности, в котором кантовской личности *für Sich* станет крайне неудобно и непривычно. И это еще один аргумент в пользу необходимости конструирования универсальной *цифровой праксиологии*.

5. Наконец, каким образом цифровизация скажется на классической прикладной этике? Не случится ли глобальная этико-прикладная дивергенция? Когда традиционные представления и нормы профессиональной этики (скажем, врачей, педагогов, судей) в цифровой реальности 2.0 не просто будут скорректированы, а отброшены за ненадобностью взамен на нечто аутентично цифровое? И в итоге услуги адвоката, врача и учителя в реальности 1.0 и реальности 2.0 при общей смысловой связанности, на самом деле будут регулироваться разными профессиональными этиками? Об этом пока можно только гадать. Предположу лишь, что такая вероятность есть,

и этико-прикладной «раскол» может произойти сам по себе, не будучи спровоцированным какими-то силами сознательно и нарочито.

Одним словом, цифровой мир глобального XXI века, действительно, находится на пороге новых и захватывающих дух вдумчивого мыслителя исканий.

**Кто ответственен
за развитие цифровой образовательной этики?**

Проще всего написать, что это все вовлеченные в образовательные процессы субъекты. Но таким медианным способом прикладная этика не конструируется. Конечно же, учет мнений и оценочных суждений групповых акторов очень важен, но все же кто-то берет инициативу сформулировать кредо и кодекс. Поэтому можно умозрительно допустить кого-то конкретно. Но опять же это будет отвлеченным и ни к чему не обязывающим предположением. Пока гораздо эвристичнее – включенное наблюдение, к тому же без выдвигания априорных гипотез.

Сфера образования во всем мире и в России, в частности, за несколько лет, а за последний год особенно, претерпела *массированную цифровизацию*. Карантинные условия к этому очень располагали. Смена настроений среди педагогического персонала, представляется мне, крайне показательна. Первоначальный оптимистический подъем, вызванный уверенностью в том, что пандемию переживем, и ничего принципиально менять не надо (и самим меняться тоже не потребует), был поистине вдохновляющим. Все мы думали приблизительно одинаково: достаточно просто перейти из реальной образовательный «камеры» (нередко старый тип офлайн образования именуют «камеральным») в виртуальную учебную комнату. Но этот мотивационный настрой довольно быстро стал угасать по мере накопления общей, в том числе и психологической усталости. Подъем сменился раздражением, а к концу карантинного года – массовым разочарованием. И, я бы добавил: торжеством *образовательного консерватизма* профессиональных сообществ.

Педагоги высшей и средней школы, хоть и нередко признавались в том, что им комфортно работать из дома, тем не менее посчитали массовый эксперимент по цифровизации образования «провалившимся». Разумеется, не все педагоги, но подавляющее их большинство. Впрочем, и многие учащиеся сочли прошлый год для себя «потерянным» и открыто высказывали свои претензии всему дистанционному образованию, не важно – шла речь о высшем или среднем образовании.

Конечно, на все эти негативные массовые эмоции можно закрыть глаза. Пошумят и смирятся. Но именно они вскрывают, как писал более полувека тому назад Роберт Мертон, латентные институциональные смыслы современного образования. Цифровизация, похоже, аннигилировала нечто чрезвычайно значимое в коммуникативном процессе передачи знаний, причем как для преподавателей, так и для учащихся. И это – не простое «бурчание» людей перед открывшейся дверью в новую реальность, а нечто поистине смысло-жизненное и субстанционально важное. В этом еще придется долго разбираться психологам, социологам и управленцам.

Впрочем, уже сейчас понятно, что образовательный консерватизм и вполне зримый «антицифровой протест» предопределены по крайней мере несколькими обстоятельствами. Во-первых, порушены привычные практики дисциплинарного управления, которые демонстрируют свою эффективность только в офлайн-общении. А они играют в образовании далеко не последнюю роль. Во-вторых, существенно ослабла мотивирующая составляющая: учителя потеряли драйв, ученикам стало гораздо скучнее, чем прежде. В-третьих, воспитательная миссия зависла, наподобие старого компьютера, и складывается впечатление, что вопросы воспитания сегодня попросту игнорируют. Цифровое образование исчерпывается процессом «передачи» и частичного контроля знаний. Все остальные формирующие личность функции «проглочены» временем и обстоятельствами онлайн коммуникации и растворились «без осадка». В четвертых, реальность 2.0 предлагает богатое меню образовательных возможностей. Чрезвычайно часто «назначенный» педагог не выдерживает сравнения с другими яркими интернет-образцами и отбивает у своих учеников охоту считаться с собой всерьез. Этот список новых проблем легко продолжить.

Кроме всего этого, не следует забывать, что классическое образование это еще и налаженный веками социальный механизм, если забыть на секунду о его первичных целях. Родителям сложнее отлучаться на работу или просто по делам, дети все больше предоставлены сами себе без контроля со стороны. Подростки теряют навыки социализации, не общаясь тесно друг с другом в коллективах и с людьми других поколений. Процесс передачи культурного и социального опыта частично приостановлен. Педагоги, особенно высшей школы, не только испытали травму своей «беспомощности» и глубокой «отсталости», а главное – цифровой «ущербности» в сравнении с детьми, но и всерьез обеспокоены возможными массовыми сокращениями по чисто финансово-экономическим соображениям. Родители готовы к широкой народной фронде сопротивления, а педагоги

могут и бойкот объявить любым реформам и переменам. *Антицифровизация* растет и крепнет день ото дня. Как можно конструировать с этими людьми будущее, если они его изначально не принимают?

Все это создает довольно деструктивный фон для усовершенствования цифрового образования и конструирования новой образовательной этики, в частности. Ректор ВШЭ в своем недавнем интервью (<https://www.vtimes.io/2020/11/23/universitet-kotorii-uchitsya-a1578>) высказал идею, реализация которой может иметь очень серьезные и долгосрочные последствия. В довольно категоричной форме он утверждает, что в вузе не может идти педагогический процесс по чужим учебникам. «Это недопустимо!», – сказал ректор одного из ведущих вузов страны, в противном случае университет превращается в простой техникум. На первый взгляд, эта идея кажется передовой и прогрессивной. Она сокращает разрыв между университетской наукой и университетской дидактикой. Но правильно ли это? И сработает ли в нужном направлении? Я уже не говорю о том, что абсолютное большинство вузов не смогут этого сделать. На последнее возражение у ректора ВШЭ есть свой готовый ответ: «При недостатке собственных разработок их можно дешево взять на национальной платформе “Открытое образование”, Coursera, EdX или вступить в сетевые отношения с другими вузами». Но ведь и заимствованные у национальных лидеров учебники могут показаться неконкурентными на фоне других, мировых изданий. И что в таком случае? Увольнять всю профессуру, которая не сподобилась написать собственных учебников? Или снабжать такие вузы учебниками и авторскими курсами только ведущих вузов, а в конечном итоге – только одного «наилучшего» вуза?

В подобных настроениях лидеров мне видится самая большая угроза для университетского образования: искушение монополизировать образовательный контент в руках нескольких ведущих вузов. Такое возможно? Вполне. Но в этом случае образовательный процесс превратится в поле интриг и жесткой конкурентной схватки. Не проще ли вообще перестать преподавать по учебникам. Конечно, куда проще, а главное педагогически корректнее. Я не иронизирую. Но, во-первых, как тогда достичь целей стандартов и гарантированного качества вузовского образования? А во-вторых, сделать все университетские курсы в стране авторскими – наивная иллюзия. И она еще труднее реализуется в цифровой реальности 2.0, правда, если речь идет о вузах, сочетающих режимы онлайн с офлайном. Но надо понимать, что такой вызов существует, и закрывать сегодня глаза на потенциально возможный в будущем образовательный «коллапс» – недальновидно.

Параллельно этому все чаще высказывается экспертное мнение о том, что высшее образование должно максимально индивидуализироваться, подстроиться под единичные интересы и потребности учащихся. Пока трудно представить, как это возможно на практике? Под каждого студента создается его индивидуальная образовательная программа и вузовская «дорожная карта»? Наверное, такое возможно. Тем более, что вполне качественное образование для молодых отпрысков европейского нобилитета давалось именно в таком сверхиндивидуализированном режиме на протяжении всего XVIII и отчасти XIX веков. Но подобных примеров в контексте массового высшего образования у нас пока нет и, по-моему, не предвидится.

Впрочем, в рамках мегапроекта «Цифровой университет» возможно всякое, индивидуализированное образование – тоже. Но тогда мы должны точно понимать, что речь ведем только о высшем образовании, а не об университетах как общественных институтах. Сможет ли университет полностью уйти в реальность 2.0? И, подобно тому, как многие банки (к примеру, Tinkoff-bank), существовать только виртуально? Виртуальные банки ведь вполне успешны, чрезвычайно гибки и высоко конкурентоспособны, не говоря уже о сокращении издержек. Конечно, и университет может стать чисто виртуальным, тем более мировые примеры попыток подобного перехода имеются. Но в отличие от банков или других хозяйствующих субъектов, это будет совсем другое высшее образование и другой общественный институт. Разумеется, с другой этической проблематикой.

Этот фантазийный пример, сконструированный мной в кантовской логике «как если бы», дает возможность понять, что цифровая образовательная этика, на самом деле, проектно зарождается в головах лидеров инновационных перемен и претворяется в жизнь их же усилием воли. Ее бессмысленно обсуждать с теми, кто против самой цифровизации. И не нужно ждать, что ее сформулирует некий «высокособый» интеллектуал. Властям и администраторам от образования достаточно простого «этикета» и пустых кодексов, до этической рефлексии им нет дела. В рождении же новой прикладной цифровой этики образования заинтересованы лишь те, кто берет на себя ответственность за саму цифровую трансформацию. И поскольку мы вправе ожидать, что разные образовательные учреждения могут по-разному пройти трансформацию и прийти к разным итогам, то и не следует удивляться тому, что и искомые прикладные «этики» могут получиться разными. Все будет зависеть от того, каким будет сам проект университетского цифрового транзита.

Я допускаю, что сама мысль о *множественности образовательных этик* может показаться крамольной, если не сказать жест-

че, бредовой. Но если мы ждем серьезных перемен и бесстрашно идем в непредсказуемое институциональное будущее, то почему не принять новую легитимирующую норму: *лидер инноваций навязывает свою этическую парадигму*. Глагол «навязывает» в данном случае подразумевает множественность действий со стороны лидера: он продумывает, формулирует, предлагает, обсуждает, комментирует, рефлексиирует, но при этом сохраняет за собой право решающего голоса. Мне кажется, что таким образом мы сможем *синхронизировать* технологические перемены с культурными сдвигами, а не жить в условиях *постоянно запаздывающего этического развития*.

Вместо эпилога. Этическое развитие в «Зазеркалье»

«Зеркало» (mirror) – один из базовых инструментов архивации информации и важнейший гарант свободы всего интернет-пространства. «Зеркало» расширяет поле выбора и снижает возможность информационного монополизма и внешнего вмешательства. Наряду с другими инструментами «Зеркало», по сути, делает виртуальную реальность 2.0 автономной, самодостаточной и саморегулируемой. Возникает вопрос: может все-таки нам и не нужно предпринимать никаких действий по «выращиванию» цифровой прикладной этики образования в таком страстно ориентируемом на свободу пространстве, а она сложится сама собой в результате вынужденной и осознанной рефлексии цифровой реальности?

Вопрос нарочито поставлен мной таким образом, что не предполагает простого прямого ответа. Кто же не согласится с утверждением, что жизнь сама все разрулит!? Но ведь такой нравственный абсентеизм контрпродуктивен, по крайней мере по трем обстоятельствам. Во-первых, проследуем по известной максиме: если вы не займетесь этико-прикладным проектированием сами, то тогда... кто-то займется вами или за вас. Во-вторых, этико-прикладная саморегуляция должна гносеологически вытекать из философской теории, а здесь без гражданского просвещения участников процесса никак не обойтись. И наконец, в-третьих, прикладная этика ранее никогда не конструировалась сама собой, так для чего ожидать такого «чуда» сейчас. В самом деле, то же самое происходило в уже упомянутом мною XVIII веке, когда впервые были сформулированы и растиражированы в европейском обществе нового времени философско-этические основания образовательной и воспитательной деятельности. Они не возникли сами по себе. Значит, избежать проектирования и выращивания новой цифровой этики нам вряд ли удастся.

В «телеграфном» стиле предложу свой черновой набросок нарратива обновленной просветительской версии прикладной этики об-

разования для наступившего цифрового XXI века. Без какой-либо претензии на интеллектуальную оригинальность и исключительное авторство. То, что будет обозначено далее, не имеет отношения к корпоративной этике университетов, а затрагивает лишь проблематику прикладной этики высшего образования в условиях цифрового транзита университетов.

Социальная философия нарратива. Интеллектуальная свобода всех участников образовательного процесса – общее и фундаментальное предусловие и его конечная цель. Она исключает любой диктат и дисциплинарную вертикаль, ущемление прав и сужение рамок выбора, этическую назидательность. Настаивает на моральном равенстве и достоинстве каждого участника.

Метарамки нарратива. В образовательном процессе совместный творческий поиск истины не допускает монополию на знание, навязывание одной определенной точки зрения, сколь бы авторской и гениальной она не была. Напротив, этот поиск отталкивается от приоритета плюрализма академических мнений, приветствует открытую аргументированную дискуссию, групповое проектирование в образовании, порицает все формы «закрытости» и ригоризма, отстаивание национального характера знаний в универсально-глобальном современном мире. Одним словом, идеалом для этого поиска выступает моральный цифровой космополитизм.

Субстанциональный стержень нарратива. Прикладная этика цифрового образования – постоянно обновляемый дискурс эпистемологического и нравственно-рефлексивного взаимодействия между участниками процесса. В нем нет финализирующей телеологии, константных ценностей и правил. Поэтому соучастие и вовлечение становятся его главными интерактивными приоритетами. Медиаторы дискурса – самовыдвиженцы; а их ротация – обязательна. Главный этико-прикладной ориентир – цифровой императив самоорганизации и самоограничения.

Этические пределы цифровизации. Масштабная цифровизация образования не есть самоцель, а исключительное и в каком-то смысле вынужденное средство, обеспечивающее переход вузовского образования на новый качественный этап расширения свободной аудитории знаниевого обмена. За ним не допустим тотальный контроль с помощью «ИИ»; даже рационально организованная «машина» не может обрести право доминирования над человеком, ограничивать его способности и волю, даже если он абсолютно уступает машине в интеллекте и умственных способностях. Насколько это станет возможным, программирование со-участия «ИИ» в образовательном процессе должно быть открытым и желательно совместным со-

действием. То есть – с участием заинтересованных сторон для достижения большей прозрачности и честности современного образовательного процесса.

Безусловно, это краткое рассуждение о том, каким должен стать *пафос этико-прикладной* сферы цифрового образования, лишь приглашение к публичному обсуждению. Единичному уму не доступны все смыслы и значения этико-прикладного этоса нарождающейся реальности 2.0. И, конечно же, эта работа не может быть ограничена стенами кабинетного ученого. А самую большую опасность на этом пути я вижу в распространении в цифровом «зазеркалье» *банального добра*, доступного наивному здравому смыслу технолога, программиста и собственно «ИИ».

Список литературы

1. *Beever J., MacDaniel R., Stanlick N.* Understanding Digital Ethics. New York – London: Routledge, 2020.
2. *Lagerkvist A.* (Ed.) Digital Existence: Ontology, Ethics and Transcendence in Digital Culture. New York – London: Routledge, 2018.
3. *Reyman J., Sparby E.* (Eds.) Digital Ethics. New York – London: Routledge, 2019.